

*Гурдуз А. И.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри українського мови і літератури
Николаєвського національного університету імені В. А. Сухомлинського*

*Кузьменко Н. П.,
студент філологічного факультета
Николаєвського національного університету імені В. А. Сухомлинського*

ТРАНСФОРМАЦІЯ ДРАКУЛІАНИ: ТЕНДЕНЦІЙ І ЗАКОНОМЕРНОСТІ

Анотація. В статтю вперше комплексно проаналізовані видозміни образу Дракули в знаковій для його інтерпретацій границі ХХ–ХХІ вв. драмі Ф.Ф. Копполі «Дракула Брєма Стокера» як закономірні сдвіги в еволюції вампіриади в культурологічному масиві образів «нижшій» міфології даного часу. Особливу увагу приділено валентності образу Дракули в версії 1992 г. і посиленню в вампіриаді ідеї любові і прощення через неї.

Ключові слова: інтерпретація, Дракула, вампір, трансформація, тенденція, контекст, художня валентність.

Постановка проблеми. Тема бессмертия остаётся одной из наиболее важных в литературе и искусстве в целом, стимулируя человеческую мечту и омрачая разум. Образы иррациональных существ – мифологических воплощений неограниченно долгой жизни – в художественном мире изучены различно. Несовпадением степени актуальности и меры литературоведческой исследованности отличается феномен вампиризма – один «... из наиболее популярных и противоречивых мифов европейской культуры» [1, с. 338] и мировой вообще. Но если образ вампира в фольклоре и литературных произведениях до конца XIX в. на определённом уровне раскрыт (показательна здесь работа К. Сенф [2]), то о глубоко системном освещении данной фигуры в литературе и искусстве XX в. говорить труднее, в произведениях первых десятилетий ХХІ в. – невозможно: здесь аспектно освещены проблемы, связанные с функционированием данного образа [3, с. 2]. Адаптация образа вампира к любым культурно-художественным условиям, стремительное расширение массива произведений соответствующей тематики в ХХ – начале ХХІ вв. не обусловили ожидаемую фундаментальную разработку вопросов обращения к данному образу в художественном пространстве периода (уровня, скажем, «Русской фаустианы» А. Няму 2009 г.). В общих чертах очерчено развитие темы вампиров в ХХ в. А. Няму [1, с. 337–340], К. Сенф [2, с. 166]; попытки проследить эволюцию образа К. Асмолова [4], Б. Невского и некоторых других исследователей приближаются к дайджестам по проблеме. В основном студий названной темы фрагментарны, лишены комплексности анализа и не включают новейший художественный материал, принципиальный для современного объективного освещения проблемы.

В дракулиане как ветви вампириады своего рода матрицей для последующих художественных обращений является роман Брєма Стокера «Граф Дракула» («Dracula», 1897 г.). Хотя вопро-

сы истории написания романа, собственно личности Дракулы, относительно изучены [5], спектр художественных интерпретаций образа графа освещён аспектно, особенно в компаративном плане, в ракурсе диалога литературы и кино.

Цель статьи – впервые комплексно проанализировать тенденционные видозміни образу Дракули в знаковій для его інтерпретацій кінця ХХ – початку ХХІ вв. драмі Френсіса Форда Копполі «Дракула Брєма Стокера» 1992 г. («кіноенциклопедії дракулізму» [6, с. 42]) як закономірні сдвіги в еволюції вампіриади в культурологічному масиві образів «нижшій» міфології даного часу. Особливу увагу при цьому приділяємо питанням а) художньої валентності образу Дракули в версії 1992 г. і б) посилення в лінії вампіриади ідеї любові і прощення через неї.

Изложение основного материала исследования. Развитие вампириады и, соответственно, дракулианы показательно в плане иллюстрации динамики социально-культурной парадигмы ХХ – начала ХХІ вв. и соотносимо с тенденцией крайнего симпатизирования авторов легендарно-мифологическим образам с традиционно отрицательным символическим значением [9, с. 64; 10, с. 52–53]. Результатом системного исследования А. Гурдузом эволюции образа вампира в литературе становится впервые выводимая учёным типология и амплитуда ключевых аспектов трансформации этой фигуры в данный период [11, с. 71]. Поскольку кардинальные изменения образ вампира переживает после Второй мировой войны [4], особый научный интерес вызывает системный анализ ключевых особенностей интерпретаций данной фигуры в середине ХХ – начале ХХІ вв. Исследование такого типа вписывается в круг приоритетных для литературной компаративистики, учитывая актуальность «вопроса о цели и границах (пределах) интерпретации классических структур» [1, с. 29]. Растущий массив неклассических толкований обсуждаемого образа, обращение новых авторов к уже постстокеровским версиям содействуют становлению в сознании культуры обозначенного периода новой парадигмы восприятия, когда традиционная модель вампира – чаще пункт отталкивания при формирующемся современном стереотипе. Отмечаемое А. Гурдузом сближение фигуры вампира (в частности Дракулы) в литературе границы ХХ–ХХІ вв. с типажом собственно культурного героя (и супергероя) [11, с. 67] напрямую связано с общим «сочувствием» в толкованиях названного времени образу вампира (и ряду подобных фигур «нижшій» міфології) и, более того, в силу высокой валентности этого образа с его гуманизацией [11, с. 65–66]. Ярким примером «оправдания» вампира новой парадигмы, где он уже не столько

монстр и порождение/продолжение зла, сколько жертва обстоятельств, «заслуживающая» сожаления, служит «Дракула Брэма Стокера» Ф.Ф. Копполы – драма, связь с материнским романом которой освещена минимально (отдельные и скорее эмоциональные рецензии на экранизацию – В. Кэнби [7], Р. Корлисса [8] и др. – более актуализируют проблему, нежели способствуют её разработке).

В образе героя данной драмы доминирует лирическое начало, граф здесь чувствителен и тонок, переживает личную трагедию, силу «вынужден» применять чуть ли в целях самозащиты, в результате осмысливается как «симпатичный паразит», внутренний зверь, живущий в каждом из нас» [6, с. 43] (сравним с осмыслением образа Минотавра в аналогичном контексте 10, с. 51). Граф Ф.Ф. Копполы восходит к образам предыдущих интерпретаций романтических упырей (в частности героя ключевого в развитии темы романа Энн Райс «Интервью с вампиром» 1973 г. (США)) и, в свою очередь, становится известным прототипом новых интерпретаций (наиболее показательна из которых драма Гари Шора «Дракула» 2014 г. (“Dracula Untold”, США)).

В психоаналитическом плане образ графа схож с концептом Тени и в довольно свободной трактовке 1992 г. [7] сильнее влияет на женские образы – как совратитель, своего рода ипостась Дон Жуана. Сексуальный (и любовный) аспект в интерпретациях вампирской тематики продуктивен [11, с. 67–68; 11, с. 70] и способствует развёртыванию темы деторождения у вампиров (вспоминается образ Дракулы в «Ван Хельсинге» реж. С. Соммерса 2004 г. (США), зря надеющегося на жизнеспособность его детей). Прецедентом можно считать наделение вампира в литературе границы XX–XXI вв. способностью давать жизнь или возвращать её мёртвым.

Характерен в «Дракуле Брэма Стокера» качественно отличный статус женского персонажа: если в романе Б. Стокера женщина безвольна, то в драме конца XX в. она сама принимает решение. Для примера сравним сцены питья крови Дракулы Миной в романе и фильме: у Б. Стокера вампир заставляет пить его кровь [12, с. 286], у Ф.Ф. Копполы же этот акт преподнесён как выражение желания Миной стать равной Дракуле. Во втором случае очевиден результат влияния феминистических настроений в обществе XX в. Также, к слову, характерно, что в драме 1992 г. Дракула умирает от руки Миной, а в романе Б. Стокера – поражённый своими врагами.

Более того, изображение Б. Стокером и Ф.Ф. Копполой вампиризма как неизвестной болезни [12, с. 318] в общем виде получает развитие в корпусе литературных и киноинтерпретаций данной темы в середине XX – начале XXI вв. (к принципу применяемого здесь околонучного обоснования авторы обращаются и при переосмыслении других традиционных образов [1, с. 348]). Поскольку же концепция недуга предусматривает возможность излечения, решение «вампирской болезни» облегчает в вампириаде указанного периода нивелирование оппозиции «живой – мёртвой» в пользу её первой составляющей, оговорен здесь также взаимопереход между ипостасями «человек» – «вампир» [11, с. 68].

«Дьяволическая» трактовка фигуры Дракулы, обусловленная в романе Б. Стокера и соответствующей этимологией прозвища героя [5, с. 92], в версии Ф.Ф. Копполы, соответственно, звучит иначе, как заслуживающая сожаления личная ошибка персонажа. Если в английском произведении история реального валашского правителя умалчивается (о некоторых фактах био-

графии Дракулы узнаём из разговоров графа с Джонатаном, но информацию об обретении им бессмертия не прослеживаем), то в интерпретациях конца XX в., наоборот, она иногда выводится на первый план, что видим, в частности, в киноленте 1992 г.

Высокая художественная валентность образа графа в драме «Дракула Брэма Стокера» проявляется в различных контекстах и соотносима с характеристиками реинтерпретаций подобных легендарно-мифологических образов отмеченного периода: Дракула Ф.Ф. Копполы противоречиво включает ипостаси Дон Жуана, Летучего Голландца, Смерти, Люцифера и Христа [8]. Последнее замечание Р. Корлисса заслуживает особого комментария: если граф многофакторно противопоставлен Спасителю в ходе повествования Б. Стокера, то американский режиссёр вкладывает в уста умирающего Дракулы последние слова Иисуса Христа, что также подчёркивает различность данных фигур. При этом, по логике фильма 1992 г., граф здесь прощён. Думается, справедливым применительно к финалу драмы Ф.Ф. Копполы будет говорить и о параллели «Дракула/Фауст»: как истинная любовь и вызванные ею страдания спасают душу Фауста, так же прощается грех Дракуле Ф.Ф. Копполы (равноправны в таком контексте роли, соответственно, Маргариты в «Фаусте» И.В. Гёте и жены Дракулы/её реинкарнированной ипостаси в «Дракуле Брэма Стокера» Ф.Ф. Копполы). Во многом – на уровне образного и сюжетного решений – вторит «Дракуле Брэма Стокера» драма Гари Шора «Дракула» (определённо приближающаяся к мэшпу), где финальные аккорды также созвучны идее спасения через любовь (правда, могут трактоваться двояко), причём герой здесь – ещё и спаситель сына, ранее приносящий себя в жертву злу. «Если ты силён и душа полна любви, ты возрождаешься. День за днём. Жизнь за жизнью. Эпоха за эпохой», – говорит в заключение фильма Г. Шора сын Дракулы.

Выводы. Образ Дракулы в версии Ф.Ф. Копполы закономерен в развитии вампириады и становится прототипом новых интерпретаций, может быть (парадоксально) осмыслен одновременно сквозь призму ряда культурных ипостасей и отражает некоторые социальные движения XX в. Идея всепрощения в любви в интерпретациях дракулианы границы XX–XXI вв. приобретает системный характер на фоне общего симпатизирования образу вампира и представителю «низшей» мифологии в целом. Всё сильнее при этом звучание христианской идеи.

Заявленная в статье проблема многоаспектна, отдельные её составляющие обозначены нами и могут освещаться в последующих тематических студиях. Результаты данной работы, очевидно, будут полезны в комплексном изучении функционирования традиционных структур (в первую очередь англологии и демонологии) в литературе XX–XXI вв.

Литература:

1. Нямцу А. Миф. Легенда. Литература: (теоретические аспекты функционирования) / А. Нямцу. – Черновцы : Рута, 2007. – 520 с.
2. Senf C.A. The Vampire in Nineteenth Century English Literature / C.A. Senf. – Bowling Green : Bowling Green State Univ. Popular Press, 1988. – 173 p.
3. Leavenworth M.L. Fanged Fan Fiction : Variations on Twilight, True Blood and The Vampire Diaries / M.L. Leavenworth, M. Isaksson. – N. Carolina : McFarland & Company, Inc. Publishers, 2013. – 228 p.
4. Асмолов К. Жажда утоляют кровью. Эволюция вампиров / К. Асмолов // Мир фантастики. – 2003. – № 3 (3). – С. 53–57. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mirf.ru/Articles/art262.htm>.

5. Михайлова Т.А. Граф Дракула: проблема прототипа / Т.А. Михайлова // Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2009. – С. 90–109.
6. Турбина Е. Трансформация киномифа о вампире как история измененный интерпретации зла и отношения к смерти / Е. Турбина // Современный дискурс-анализ: Интерпретация (мульти)медийных форм дискурса : эл. науч. журнал. – 2013. – Вып. 10. – С. 39–48. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://discourseanalysis.org/ada10.pdf>.
7. Canby V. Coppola's Dizzying Vision Of Dracula / V. Canby // The New York Times. – 1992. – November, 13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com/movie/review?res=9E0CE2D61539F930A25752C1A964958260>.
8. Corliss R. A Vampire With Heart / R. Corliss // Time magazine. – 1992. – Nov. – Monday, 23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.studymode.com/essays/Do-You-Find-The-Rendition-Of-1704831.html>.
9. Гурдуз А.І. Постійність рухливого / А.І. Гурдуз // Зарубіжна література в школах України. – 2009. – № 12. – С. 63–64.
10. Гурдуз А.І. Літературна мінотавіріана ХХ – початку ХХІ ст. / А.І. Гурдуз // Зарубіжна література в школах України. – 2009. – № 6. – С. 51–56.
11. Гурдуз А.І. Літературно-мистецька вампіріада другої половини ХХ – першого десятиліття ХХІ століть: інтрига переосмислення / А.І. Гурдуз // Науковий вісник МДУ імені В.О. Сухомлинського : зб. наук. пр. Серія «Філологічні науки». – Миколаїв : МНУ, 2013. – Вип. 4.12 (96). – С. 64–72.
12. Стокер Б. Граф Дракула, вампір : романи, рассказы / Б. Стокер ; пер. с англ. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2007. – 720 с.

Гурдуз А. І., Кузьменко Н. П. Трансформація дракуліани: тенденції й закономірності

Анотація. У статті вперше комплексно проаналізовано видозміни образу Дракули в знаковій для його інтерпретацій межі ХХ–ХХІ ст. драмі Ф.Ф. Коппола «Дракула Брема Стокера» як закономірні зсуви в еволюції вампіріади в культурологічному масиві образів «нижчої» міфології цього часу. Особлива увага приділена валентності образу Дракули у версії 1992 р. й посиленню у вампіріаді ідеї кохання та прощення через нього.

Ключові слова: інтерпретація, Дракула, вампір, трансформація, тенденція, контекст, художня валентність.

Gurduz A., Kuzmenko N. The Dracula's theme transformation: tendencies and regularities

Summary. The changes of Dracula-type are comprehensively analyzed in the significant for its interpretations of the borders of XX–XXI centuries the F.F. Coppola's drama "Bram Stoker's Dracula" for the first time. These changes are the logical shifts in vampire line evolution in a cultural array of the "lowest" mythology characters of this time. It is an emphasis on the questions of the art valence of Dracula type in its 1992-year version and on strengthening in vampire line of love-idea and forgiveness through it.

Key words: interpretation, Dracula, vampire, transformation, tendency, context, art valence.